

Эдуард Шнейдерман

Прости меня, моя весенняя природа,
Чернеют деревья, в глазах осенний вид,
Дождь длится целый день, деревья входят в воду,
И голубь на карниз осенним днем прибит,

* * *

Как это уже далеко
Надежда
Любовь
Катерина
Еще ведь достанешь рукой
А можно и глазом окинуть

А можно уже не кричать
Рассказывать странно неспешно
Надежда
Любовь
И свеча

Свечи уже нету
Подсвешник.

* * *

Как лютневая музыка в конверте
На полчаса страна иль сторона
Или роман с сестрою в лазарете
Где милосердно помнится вина

Иль это просто осень бесконечна
Под мягкою октябрьской иглой
Потянешь за руку
«Да ну Вас!» — так беспечно
И ты подумаешь
И бог с тобой!

Благословенна поздняя свобода
Когда вот-вот наступят холода
И нет времен
Есть только время года
И мятное под сердцем
«Никогда».

Работа скульптора

Л. Добычиной

Они занимают подвалы и полу-
В которых проходят хорошую школу.
На девичьих спинах, на горсах мадонн
Крепче стоит коммунальный дом.

Каморка снимается под мастерскую.
«Ах, где вы хоромину взяли такую?»
— «Я терся по ЖЭКам, я клеил начальство».
— «Такая удача бывает нечасто!»

Пока вы на службе, читатель, корпите,
Замочена глина в огромном корыте,
Построен каркас. Он радует глаз
Добротностью сепки. И вот началась

Прокладка. Лопату азартно вонзаешь,
Наваливаешься, ломоть отрезаешь
И шмякаешь на задрожавший каркас
И, накрепко дабы она прижилась,

А после не хрупнула трещинкой-ранкой,
Мнешь пальцами и подбиваешь княжкой.
Так, за день раденья, как сдавленный крик,
Искомой фигуры возник черновик.

Не мрамор. не бронзу, — кембрийскую глину.
Тяжелые руки и потную спину
Я воспеваю, — ведь скульптор — не бог —
Создатель, — он душу вдохнуть в нее смог,

Но рано ликую, словами играя.
То стеком, то пальцами, в кровь их стирая,
Он мнет и корежит творенье свое.
Терпенье, терпенье! — тут жизнь настаёт.

Ворчит, недоволен: «Все криво и косо!»
Ан глянул: какой-то кусок средь хаоса
Высвободился. Он дышит! И вот
Сама себя дальше работа ведет.

Вот так, над стихами ссутуливши спину,
Мы — мнем и кромсаем словесную глинку.
Всё переначим, кромсаем и мнем,
Покуда строку не наполним огнем.

Что — слава, успех, суета, гонорары, —
Есть только работа, творимая яро,
Правда работы. Прочее — ложь.
Отступишь, оступишься — душу убьешь.

Пора просыпаться, ленивое тело.
Пора приниматься за верное дело.
Глина готова. Но прежде чуть-чуть
Свежего воздуха надо глотнуть.

Галантерейщица

Рюшики-волачки,
лифчики-подвязки
и мечты о мальчике
из роскошной сказки.

Веки цвета синего,
а волосы матовые.
Обслужи красивого,
сытого, усатого!

Чуя взгляды пылкие,
наглые, небрежные,
погардуй кобылкой
иорванстой, нежной!

У тебя все данные!
Прояви старание —
вытанцуй свидание
в вечернем ресторане.

В рюмочке вот столечко
коньячка армянского.
Разгорелись щечки,
рассверкались глазки.

Промеж тонких пальчиков
сигарета белая.
Для такого мальчика
чего только не сделаю!

Жизнь галантерейная,
скудная, практичная!
Хочу быть затейная,
дерзкая, развинченная!

Сигарета скурится.
Выкурила — вышвырнула.
Завихриться! Скурвиться!
Только бы не тишина...

...Рюшики-волачки,
лифчики-подвязки,
личико заплаканное,
все в потеках краски,

* * *

Стал я глохнуть, как Бетховен.
Пасторалей не пишу.
Нелюдим, с людьми неровен.
Суета не выношу.

Стал я глохнуть, в сущность звуков
Продираясь, в их нутро.
Доложу вам, это мука, —
Как ногтями рыть метро.

Стал я глохнуть — стал я чутче
Слышать спрятанную жизнь.
Слухом внутренним измучен.
И уже не тянет ввысь, —

Татьяна Щёктова

В шум подслудный, в гул утробный,
В оглоски голосов,
В ритм прерывистый и дробный,
В мир, закрытый на вазов.

О, когда бы смог я связно
Потаенное схватить,
То, что в душах бьется разное,
Вытащить, соединить,

Оттолкнуть замшелый камень,
Снять привычную тщету,
Немолгу лечить стихами,
Слепоту и глухоту!

* * *

Почему ты боишься меня потерять?
Отдаешь меня в рабство тряпья и страстей,
Злых людей, переулков глухих и долгов...
Я и так всем должна: и тебе, и тебе.
Но так трудно подчас о себе позабыть.
Я иду на коротком твоём поводке.
Неужели такою ты любишь меня?

Утро

Ольге Никулиной

Открыл цветок и лепестки, и сердце.
И ты в бутон сует и раздражений не прячь
души влюбленной редкий дар.
Так, радуя тебя,
весенний мотылек летит, расправив крылья.
Ладони бережно раскрыв, долина
принюх уставшим путникам дает,
Глазам — покой и ясность.
МИР и ЛЮБОВЬ
пусть льются, как лучи.

Какой корыстью капелька росы
в твои глаза прекрасейшие дышит?
Какою завистью пылают листья клена
к плодам рябины? Умысла какого
ребенок преисполнен, что бежит,
смеясь и падая, лучам весны навстречу?
Каким страстям безвольно предается трава,
когда ногой тяжелой ты ступаешь? Ни ропота, ни гнева.

Все едино.
Нет времени.
Все вечно. Все сейчас.